

Роль «советизмов» в языковой картине мира (на материале сленговых метафор конца XX – начала XXI века)

Большинство лингвистов сходится во мнении, что современный русский язык развивается чрезвычайно динамично, причем «наиболее заметны и многочисленны изменения в лексическом составе языка» [Сиротинина 2006: 5] Особую роль в этом процессе играют просторечие и жаргоны¹ [Гак 2000; Крысин 2003].

Как отмечают исследователи, формирование внелитературных стратов, прежде всего, связано с семантической деривацией, в частности, с метафоризацией. «Примерно половина лексем сленга возникает в результате семантической деривации», причем «сленговые значения по большей части метафоричны» [Розина 2005: 29; 14]. Поскольку метафора изначально ориентирована на создание эвристических, концептуальных моделей [Арутюнова 1999; Балашова 1998; Баранов 1991; Лакофф, Джонсон 2004; Телия 1988], анализ метафорической подсистемы сленга позволяет установить специфику языковой картины мира его носителей.

Советизмы, под которыми понимаются вербальные и невербальные знаки любой сложности как факты советской культуры, включая идиологемы, прецедентные тексты и т.д. (ср.: [Ермакова 1996; Купина 1995]), активно используются в просторечии и жаргонах. За долгий период существования СССР эти единицы, безусловно, стали частью языкового сознания значительной части российского общества. Вместе с тем, как показал анализ словарей, записи устной речи молодежи, а также Интернет-коммуникации, и после распада СССР

---

¹ Поскольку цель статьи – анализ роли метафор-неологизмов в концептуализации языковой картины мира носителей внелитературных стратов, то вопрос о противопоставлении просторечия, сленга, арго и жаргона не рассматривается, а выделенные единицы не дифференцируются по типам жаргонов и т.п. Для обобщенной номинации исследуемых идиомов в статье используется термин «сленг», а для единиц – «жаргонизмы».

данный феномен оказывает влияние на языковую ситуацию в России. В частности, нами зафиксировано более 400 сленговых метафорических единиц, первичные значения которых могут быть охарактеризованы как советизмы.

Весьма показательна степень частотности вовлечения в процесс метафоризации членов различных тематических групп лексики, воспринимаемой как часть советской культуры.

Более 14 % единиц исследуемой метафорической системы составляют слова, характеризующие явления, связанные с марксистско-ленинской философией и идеологической пропагандой в советском обществе. Это основные понятия и прецедентные тексты данной теории (ср.: *строй капиталистический, коммунизм, марксист, гегемон, пролетарское самосознание, аграрный вопрос, дружба народов, «Капитал», «Антидюринг», пролетариату нечего терять, кроме своих цепей*); имена создателей этой теории и представителей революционно-демократического движения XIX – начала XX в. (*Карл Маркс, Ленин, читать классиков марксизма-ленинизма, Клара Цеткин, Чернышевский, народники*). Большое место в группе занимают идеологические символы, а также герои классической литературы революционно-демократического направления, используемые советской пропагандой (ср.: *красный флаг, красное знамя, красная звезда, вечный огонь, почетный караул, четвертый сон Веры Павловны*). Наиболее востребованной оказывается все, что связано с В.И. Лениным и увековечиванием памяти о нем – мемориальные комплексы, произведения искусства, пропагандистские лозунги и т.д. (*мавзолей, лампочка Ильича, ленинские места, по ленинским местам, Ленин в шалаше, Ленин с нами, вечно живой*).

Около 9 % метафорических единиц связано с именованием (прямым и перифрастическим) идеологического фундамента СССР строя – КПСС, советских общественных организаций, а также их символики (ср.: *КПСС, генсек, партвзносы, в свете решений КПСС, профсоюз, октябрятская звездочка, пионерия, красный галстук, комсомолец, ГТО, юный техник, школа коммунизма*).

Достаточно востребованы в сленге номинации экономических реалий СССР (около 11 % единиц), причем самыми частотными стали именован

коллективного, инициативного и безвозмездного труда (ср.: *колхоз, бригада, ударник комтруда, стахановец, соцсоревнование, хозработы*). Наиболее популярной оказалась лексема *колхоз* (4 значения и несколько фразеологизмах – *огулять колхозом, пустить на колхоз, колхоз «Красный лапоть»*), а также распространенные названия колхозов (ср.: *красный богатырь, огни коммунизма, заря коммунизма, маяк коммунизма*). Активно используются в сленге искусственные образования, формируемые на базе типичных для названий советских предприятий словообразовательных моделей (ср.: *главбревно, жмуртрест, гострах*). Зафиксированы также штампы из экономических репортажей, объявления в госучреждениях и т.п. (*не отходя от кассы, летайте аэрофлотом, сдать под ключ, битва за урожай, хлебоуборочный, удои*).

Примерно столь же регулярно (около 9 % единиц) в процесс метафоризации включаются наименования государственной системы, причем наиболее востребованными оказываются два разряда. Первый номинирует ее карательную составляющую – органы госбезопасности, места заключения, а также репрессивную политику государства (ср.: *чека, чекист, Железный Феликс, Берия, работник органов, боец невидимого фронта, ЛТП, особая тройка, железный занавес, Воркута*); второй, напротив, связан с системой государственных праздников и поощрений (ср.: *красный день календаря, день актера / чекиста, лауреат премий, мастер спорта, мать-героиня*).

Однако наиболее регулярно в процесс метафоризации включаются номинации реалий конкретных этапов развития советского общества, причем самым продуктивным в этом отношении является период революции и первого десятилетия советской власти (14 % единиц). Очень активно используются антропонимы – революционеры и контрреволюционеры (ср.: *Буденный, Гапон, Железняк, Котовский, Махно, Чапаев, Щорс*), обобщенные обозначения противоборствующих сил (ср.: *комиссар, красные, Красная Армия, басмач, белые, контра, меньшевик, эсер, махновец*), а также социальной структуры общества той поры (ср.: *царь, жандарм, единоличник, бай, кулак, подкулачник, батрак, безлошадный*). Показательно, что часть таких номинаций восходит к прецедентным тек-

стам, отображающим эту эпоху (ср.: *неуловимые мстители, буревестник, барабанщик революции, человек с ружьем, Кибальчиш, Буржуин*). Достаточно регулярно переносные значения развивают номинации артефактов, ставших своеобразными символами революции (ср.: *буденовка, броневик, бронепоезд, тачанка, крейсер «Аврора»*).

Около 10 % метафорических единиц – реалии сталинской эпохи. Достаточно регулярно встречается имя Сталина и его перифрастические обозначения (ср.: *сталинский вор, сталинские внуки, отец народов, друг всех физкультурников*). Но более активно используются прецедентные тексты – культовые пропагандистские фильмы, книги, политические цитаты (ср.: *свинарка и пастух, светлый путь, Тимур и его команда, враг народа*), а также идеологические символы эпохи (ср.: *Павлик Морозов, ворошиловский стрелок, мичуринец, тимуровец, челюскинец*).

Столь же активно в процесс метафоризации включаются номинации реалий Великой Отечественной войны, причем как СССР, так и фашистской Германии (ср.: *Валя Котик, блокадник, битва за Москву, Сталинградская битва, власовец, гестапо, фюрер, Гудериан, Борман, Мюллер*). Правда, в последнем случае это во многом связано с культовым сериалом «Семнадцать мгновений весны», чье название и имя главного героя (*Штирлиц*) также подвергаются метафорической интерпретации. В целом Отечественная война часто осмысливается через систему прецедентных текстов (ср.: *а зори здесь тихие, три танкиста и собака, встреча на Эльбе, бухенвальдский набат, дожить до рассвета, приказано выжить, в списках не значился, никто не хотел умирать, уйти в подполье, куда бежать листовки клеить?*).

Аналогичную картину можно наблюдать при метафоризации реалий, связанных с правлением Хрущева и Брежнева (около 14 % единиц), только в данном случае прецедентные тексты, как правило, не идеологического толка – культовые комедии, мультфильмы, телепрограммы, эстрада и т.д. (ср.: *Анискин, бандитская пуля; Василий Алибабаевич; человек-амфибия; звать Ихтиандра; дикая собака динго; летите, голуби, летите; чебурашка; крокодил Гена; Печ-*

кин; вы слышали, как поют дрозды; как прекрасен этот мир; следствие ведут знатоки; спокойной ночи, малыши; Хрюша; Степашка; в гостях у сказки). Из исторических событий, активно используемых советской пропагандой как свидетельство достижений социализма и ставших активным источником метафоризации, можно выделить два – освоение целины и космического пространства (ср.: целина, целинник, освоение целины, спутник, быть на орбите, Байконур). Кстати, данные события также не связаны напрямую с противоборством антагонистических сил как внутри страны, так и на мировой арене. Исключение составляет несколько единиц, характеризующих такие «негативные» социальные явления, как инакомыслие, влияние западной культуры и т.д. (ср.: самиздат, невыездной, пижон).

Небольшая группа сленговых метафор восходит к реалиям последнего этапа существования СССР – Перестройки (ср.: Горбачев, Раиса Горбачева, Бурбулис, Явлинский, ветер перемен, консенсус, чернобыльский бройлер).

Таким образом, современный сленг активно использует советизмы для развития своей метафорической системы, причем характер данных неологизмов явно свидетельствует о хорошем знании разнообразных реалий советского общества и системе идеологического воздействия в СССР. Основным источником таких знаний, по-видимому, являются школьные курсы по истории России, средства массовой коммуникации (особенно конца XX в., когда критическое осмысление советского прошлого было главной темой всей публицистики), а также культовые произведения искусства советского периода, многие из которых продолжают оставаться частью современной культуры России.

Следует отметить, что многие единицы сознательно или (реже) бессознательно искажаются, используются при формировании собственных словообразовательных производных или устойчивых словосочетаний (ср.: бандера – искаженная фамилия украинского националиста Бендеры, Клара Целкин – немецкой революционерки Клары Цеткин, гудырьян – военного деятеля фашистской Германии Гудериана; мастер спорта по литлболу – популярных видов спорта типа футбола, волейболу). Очень активно преобразуются прецедентные тексты

идеологического характера (ср.: «*Блокнот тунейдца*» – вместо *агитатора*; *бороться и искать, найти и перепрятать* – вместо *не сдаваться*; *металлистам нечего терять, кроме своих цепей* – вместо *пролетариату*; *инженер бараньих туш* – вместо *человеческих душ*); формируются сочетания наподобие таких текстов (ср.: *запах Ильича; и спать охота, и родину жалко; колхоз «Красный лапоть»*). На базе советизмов по словообразовательным моделям русского языка формируются искусственные образования, которые функционируют в сленговой системе как односторонние, частичные метафоры, «когда образование нового значения связано с морфологическим изменением слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении» [Гак 1988: 13–14] (ср.: *бурбулизация, напавликоморозничать, скоммуниздить, скомсомолить*).

В основе таких преобразований лежит языковая игра, которая в целом является одним из основных способов создания экспрессивной сленговой метафоры. При этом можно выявить следующие закономерности.

Во-первых, значительно чаще, чем в литературном языке, в сленге при именовании реалий предметного мира используется так называемая внешняя, или звуковая, метафора (см., например: [Москвин 2006: 130]), где термин «метафора» отнесен к плану выражения слова [Любимов, Пинежанинова, Сомова 1996]. Внешняя метафора в этом случае часто совмещается с частичной. Никакого внутреннего «сходства» между первичным и вторичным значениями здесь не наблюдается, однако формирование за счет мимикрии новой внутренней формы создает образный экспрессивный потенциал такой номинации (ср.: *явлинский* ‘шампунь «Яблоко»’; *декреты писать* ‘быть в декретном отпуске’). Языковая игра может поддерживаться новой морфемным членением лексемы и столкновением литературного и сленгового значения (ср.: *гудырьян* ‘анальное отверстие’ – от существительного *дыра*; *старик Хоттабыч* ‘мужской половой член’ – от глагола *хотеть*; *бухарин* ‘алкоголик’ – от сленгового *бухать* ‘пить спиртные напитки’; *железняк* ‘точно, наверняка’ – от сленгового *железно* с таким же значением; *ботвинник* ‘продавец в ларьке’ – от сленгового *ботва* ‘деньги’; ‘ларек’; *бурбулизация* ‘кипячение воды’; ‘приготовление самогона’ – от

глагола *бурлить*; *политрук* ‘алкоголик, употребляющий суррогат спирта’ – от существительного *политура*). Наиболее регулярно такая модель метафоризации реализуется в компьютерном и молодежном жаргонах, где она представляет собой способ русификации англоязычной терминологии (ср.: *КПСС* ‘файловая система (от OS/2 HPFS – High Performance File System)’; *ЛТП* ‘параллельный порт, LPT’; *маузер* ‘манипулятор «мышь»’; *ревком* ‘часть Интернета на территории СНГ – Relcom’; *борман* ‘компания «Borland International»’; *горбатые колхозные форточки* ‘MS Windows for WorkGroup’; *чекист* ‘тестовая компьютерная программа «Checkit»’).

Во-вторых, очень продуктивно ироничное обыгрывание несовместимости исходного переносного значения. Первичное значение обычно представляет собой идеологему, один из символов советского социализма, пафосный газетный штамп, того как метафорическое – характеризует физиологическую, бытовую, обычно неприглядную сторону человеческого бытия (ср.: *смычка города и деревни* ‘половой акт’; *Ленин с нами* ‘широкая семейная кровать’; *Карл Маркс* ‘мужской половой орган’; *а зори здесь тихие, дворец съездов* ‘туалет’; *граница не знает покоя* ‘о заборе вокруг воинской части’; *продразверстка, партвзносы* ‘испражнения’; *октябрьская звездочка* ‘компания алкоголиков’; *ленинские места* ‘заднее проходное отверстие; ягодицы’; *заря коммунизма* ‘тюремная баланда; обед в студенческой или заводской столовой’). При этом часто актуализируется первичный языковой слой идеологемы или система ассоциативных признаков, связанных именно с первичным языковым (не идеологическим) значением слова (ср.: *красная армия, красная гвоздика, гости из красной Башкирии, демонстрация с красным флагом, красный день календаря* ‘менструация’; *вечный огонь* ‘зажигалка’; *работник органов* ‘гинеколог’; *боец невидимого фронта, краснознаменный, красный богатырь, маяк коммунизма, красный партизан, пик коммунизма* ‘мужской половой орган’). Особенно регулярно так именуются половые органы, секс и испражнения: с одной стороны, это связано с карнавализацией «низа», присущей народной культуре и внелитературным

стратам в целом (ср.: [Бахтин 1990; Елистратов 1994]), с другой, – с высмеиванием пафосности советской пропаганды.

В третьих, языковая игра может быть основана на актуализации не наиболее значимых, объективных, а второстепенных характеристик исторических реалий и деятелей. Но именно в данном случае достаточно четко прослеживается оценка событий и личностей носителями сленга. Так, Л.Д. Троцкий воспринимается как болтун и демагог, а не политический противник И.В. Сталина (аналогично оцениваются предреволюционные выступления В.И. Ленина); период Перестройки в сленге ассоциируется исключительно с продуктовым кризисом, антиалкогольной кампанией и чернобыльской трагедией, а не с гласностью и экономическими реформами (ср.: *Троцкий* ‘лгун; болтун, демагог’; *трескать с броневишка* ‘произносить пафосные речи; заниматься демагогией’; *раиска* ‘бутылка спиртного объемом 0,33 л’; *горбачева очередь* ‘очередь в винный магазин’; *чернобыльский бройлер, горбуша* (контаминация фамилий президентов России и США – Горбачев+Буш) ‘куриные окорочка’).

В ряде случаев в сленге наблюдается тенденция к созданию полноценных концептуальных метафор. Например, школа, вуз и армия носителями ученического и военного жаргона регулярно ассоциируются со сталинским террором и Великой Отечественной войной, причем для именования отношений детей, студентов и солдат с руководства используются только номинации деятелей фашистской Германии и советских репрессивных органов (ср.: *берия* ‘зам. командира взвода’; *а зори здесь тихие* ‘военный госпиталь’; *в списках не значится* ‘о перекличке перед отбоем в армии’; *приказано выжить* ‘о кроссе на 2 км’; *мюллер* ‘директор школы’; *борман* ‘завуч’; *гестапо* ‘кабинет директора школы’; *гестаповка* ‘строгая учительница; классный руководитель’; *бухенвальдский набат* ‘звонок на урок’; *особая тройка* ‘о комиссии преподавателей, принимающей последнюю передачу перед отчислением студента’; *пал смертью храбрых* ‘о сбежавшем с урока ученике’).

Достаточно красноречива устойчивая ассоциация марксистско-ленинского учения и советских символов – с абсурдом и нелепостью, а револю-

ционных и советских героев, представителей правящих структур, активистов-общественников и т.п. – с противоправными действиями и асоциальными элементами, с интеллектуально неполноценными или психически неадекватными людьми (ср.: *антидюринг*, *Ленин в шалаше*, *на фи́га генсеку чирик* ‘о чем-л. абсурдном, нелепом’; *крейзер «Аврора»*, *Валя Котик*, *гегемон*, *тимур*, *тимуровец*, *челюскинец* ‘человек, склонный к неадекватному, часто глупому поведению’; *краснознаменный* ‘глупый’; *мичуринец*, *революционер* ‘бездельник’; *ворошиловский стрелок* ‘попрошайка; нищий’; *бухарин*, *нарком*, *пролетарий*, *стакановец* ‘опустившийся алкоголик’; *интербригада* ‘группа валютных проституток’; *кибальчиш* ‘ловелас’; *коммуниздить* ‘избивать’; *коммунарить*, *коммуниздить*, *пионерить* ‘красть’; *пролетарское самосознание*, *соцсоревнование* ‘воровство на производстве’).

Таким образом, можно констатировать, что носители сленга активно используют советизмы для создания языковой картины мира. Вместе с тем, как показывает анализ, возникновение таких метафор относится к разным периодам: значительная часть сформировалось еще в советский период, другие возникли в 90-е годы XX в. – на пике жарких споров о прошлом. Большинство исследуемых единиц активно используется до начала XXI в., затем идет значительное сокращение их употребления. Обнаруживается и определенная динамика в осмыслении и оценке советизмов. Если для 80-х – начала 90-х гг. более характерно острое неприятие всего, что связано с советской символикой, то в начале XXI в. отношение меняется на шутливо-ироничное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М., 1999.
- Балашова Л. В.* Метафора в диахронии (на материале русского языка XI – XX веков). – Саратов, 1998.
- Баранов А. Н.* Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.

- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
- Гак В. Г.* Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М., 1988.
- Гак В. Г.* Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык сегодня. – М., 2000.
- Грачев М. А.* Словарь современного молодежного жаргона. – М., 2006.
- Елистратов В. С.* Словарь московского аргю. – М., 1994.
- Елистратов В. Е.* Словарь русского аргю (материалы 1980 – 1990-х гг.). – М., 2000.
- Ермакова О. П.* Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996.
- Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. – М., 1999.
- Коровушкин В. П.* Словарь русского военного жаргона. – Екатеринбург, 2000.
- Крысин Л. П.* Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003.
- Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург-Пермь, 1995.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.
- Левикова С. И.* Большой словарь молодежного сленга. – М., 2003.
- Любимова Н. А., Пинежанинова Н. П., Сомова Е. Г.* Звуковая метафора в поэтическом тексте. – СПб., 1996.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2001.
- Москвин В. П.* Стилистика русского языка: Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006.
- Никитина Т. Г.* Молодежный сленг: Толковый словарь. – М., 2004.
- Никитина Т. Г.* Молодежный сленг: Толковый словарь. – М., 2007.

- Розина Р. И.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. – М., 2005.
- Сиротинина О. Б.* Что происходит с русским языком? // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 6. – Саратов, 2006.
- Телия В. Н.* Метафоризация и ее ро в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988.
- Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. – СПб., 1998.
- Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб., 2004.